

СМЫСЛ АРХИТЕКТУРЫ

Дмитрий Олегович Швидковский

Московский архитектурный институт (МАРХИ); г. Москва, Российская Федерация

*Смысл произошедшего в современной архитектуре точно передают слова Нобелевского лауреата Иосифа Бродского: «Вечер. Развалины геометрии. // Точка, оставшаяся от угла. // Вообще, чем дальше, тем беспредметнее. Так раздеваются догола...» Эти слова показывают суть художественной истории архитектуры XX и XXI столетий. В статье рассматривается смысл архитектуры как входящей в триаду главных искусств (живопись, скульптура, архитектура). Архитектура — очень древний вид человеческой деятельности. Она существует примерно столько, сколько и человеческое общество. Начала складываться при первобытно-общинном строе и большего развития достигла уже при рабовладельческом строе. Архитектура и другие искусства не развиваются сами по себе, а только вместе с историческим процессом. Она более чем другие искусства связана с жизнью, так как зависит от таких факторов, как климат, социально-классовое устройство общества, уровень развития науки и техники, уровень развития производственных сил, идеология общества, быт и культура. Эти факторы обуславливают различие архитектурных стилей и форм. При изучении архитектурных форм можно многое узнать об уровне развития техники, обустройстве общества, о его практических потребностях и идеях. Художественный смысл и специфику архитектуры как искусства лучше всего выражает классическая Триада Витрувия: Прочность, Польза, Красота (лат. *Firmitas, Utilitas, Venustas*). Архитектурные работы часто воспринимаются как произведения искусства, как культурные или политические символы. Исторические цивилизации характеризуются своими архитектурными достижениями. Архитектура позволяет выполнять жизненные функции общества, в то же время направляет жизненные процессы. Однако архитектура создается в соответствии с возможностями и потребностями людей. Статья позволяет проследить глобальный вектор развития архитектурной мысли.*

Для цитирования: Швидковский Д.О. Смысл архитектуры // Биосферная совместимость: человек, регион, технологии. 2025. № 4. С. 2–5. DOI: 10.22227/2311-1518.2025.4.2-5

Зодчество в течение XX в. отказалось от декоративных одежд, а вместе с ними и геометрической основы, обеспечивавшей гармоничность и тектоническую логику построения этих одежд. После того как Адольф Лоос приравнял орнамент к преступлению, а Питер Беренс создал перед первой мировой войной аскетический бездетальный ордер, в частности, в здании германского посольства в Санкт-Петербурге, легший впоследствии в основу «красной дорики» Ивана Фомина, стало казаться, что классическая традиция радикально изменилась. Еще в большей степени повлиял на восприятие классических образов русский авангард от утверждений Казимира Малевича и Лазаря Лисицкого о создании ими новой классики до интерпретации античных образов в поздних проектах Ивана Леонидова, исполненных для Южного берега Крыма.

Однако после триумфа авангарда в России архитектурная классика быстро, всего лишь через десяток лет, восстала из гроба в своем традиционном облике при создании сооружений сталинского ампира. Дальше было тяжелее: между победой советского модернизма в годы «борьбы с украшательством» и новым, робким появлением классических мотивов в архитектуре начала третьего тысячелетия прошло полвека. За это время мы почувствовали стремительно пришедшую к модернизму усталость, порожденную

дискредитацией модернистских ценностей типовым крупнопанельным строительством, обезобразившим всю Россию, а также и обширную часть бывших социалистических государств от Дуная до Янцзы. Несмотря на иной характер исторических процессов, происходивших в архитектуре Западной Европы, США и Японии, и здесь не было найдено системы зодчества ни в рамках позднемодернистской, ни в контексте постмодернистской парадигмы, способной заменить собой классическую традицию, и на всей планете архитектура как искусство все более склонялась к упадку.

Возвращение классической традиции в идущем все дальше времени может принести облегчение, необходимое жизненной среде нашей страны и планеты. Классический идеал не умер: он не исчез ни разорванный «аккордами громовой симфонии» авангарда, ни задавленный декоративными излишествами сталинского «ампира» или формальностью американского «федерального стиля», ни оскорбленный издевательскими гротесками постмодернизма, ни расчлененный острой геометрией деконструктивизма.

Классика была неповторимо своей для каждой эпохи в ходе человеческой истории. Архитектура во всех хронологических и географических ипостасях создавала зримое выражение непреходящего совершенства, становившегося классикой. Однако

и до рождения архитектуры классика представляла на нашей планете в характерных чертах биогенеза, создававших условия для наиболее благоприятного развития жизни. Само понятие классики может быть расширено за грани бытия человечества, и можно увидеть ее в ландшафтах, благодаря которым возникли условия рождения человека и его цивилизации. И в перспективе будущего классическая архитектура не может не основываться на устойчивых формах биогенеза и сохранения ландшафта.

Архитектура не является лишь чередой разновременных зданий, ансамблей и городов, она создает планетарное пространство, не только среду обитания человека, но способ его отношения с природой. Цивилизация людей — ее важная, но отнюдь не единственная часть. Если рассматривать архитектуру как деятельность, меняющую облик нашей планеты, то неизбежно приходишь к выводу, что она имеет глобальные ландшафтные, биосферные и ноосферные характеристики.

В течение столетий история накапливала наиболее ценные открытия человеческого разума в природное пространство. Классика первобытной эпохи сумела аккумулировать в монументальных пространственных формах идею времени, земного и космического, и связать их «календарной» геометрией. Античный мир сохранил эти первоначальные идеи в говорящих на цифровом языке классических формах ордеров — греческих, римских, египетских и прочих многочисленных ордерных системах, выросших из календарной геометрии первобытных людей. Чем ближе к нашему времени подходила история, тем более разветвленной, хотя, может быть, и менее значительной, становилась система смыслов архитектуры, выражая конкретные политические события, знание истории, географии, достижения монархов или их любовь. Цельность этой системы почти рассыпалась на мелкие части под действием «умного выбора» времени эклектики и вновь стала набирать монументальное величие в тоталитарной архитектуре XX в., чтобы в конце концов спрятаться под иронией постмодернизма.

Экологическая основа архитектуры возникла безумно давно. Возможно, вместе с рождением самой планеты и формированием ее геологических свойств. Нет, наверное, это уж слишком, так и до Большого взрыва как источника архитектуры недалеко. И все же, когда возникла архитектура, а в ней — классическое начало? Откуда начинается выбор будущей классики?

Современное понимание архитектуры, ее содержания и предназначения предлагает принципиально новое представление о классике и ее происхождении. Сегодня зодчество немыслимо без надежды на устойчивость — толерантность к природе, истории, энергии, пространству. Устойчивую архитектуру определяют как ту, что бережет целостность и красоту мира как

в его антропогенной, так и биосферной составляющих. Таким же сегодня может мыслиться и будущее классики, образ которой постоянно менялся и изменяется сейчас вместе с развитием планеты. Классика в нашу эпоху — это процесс создания, смены и накопления свойств совершенства архитектуры, идущий миллионы лет.

Коль скоро речь идет о чем-то, что меняет облик всего нашего мира, неловко говорить о рытье землянок или плетении шалашей как о моменте рождения этого глобального феномена. Архитектура заслуживает, на наш взгляд, более древнего, мощного и одновременно изящного происхождения. Ее великие памятники столь совершенны, что заставляют думать об очень давнем и глобальном плане Создателя, отводящем архитектуре существенную и творческую роль. И нам нужно рассматривать среду обитания человека с самого начала ее существования как биосферу, где постепенно стал доминировать антропогенный фактор, а в нем — совершенная с точки зрения взаимодействия человека и природы типология пространств, имя которой — архитектурная классика. Те, кто окажутся в будущем, должны жить в классическом мире. Эта давняя архитектурная мечта, столько раз гибнувшая и возрождавшаяся, может стать императивом развития пространства нашей планеты. Для этого архитектура должна приобрести радикально иное представление о будущем классики. Цифровой культуре необходим очередной архитектурный ренессанс, существенно новый по сравнению с чередой своих предшественников от Каролингского возрождения до многообразной неоклассики XX столетия.

Архитектура родилась вместе с жизнью, в момент, когда организованные группы молекул стали по-новому структурировать приобретенную им часть земной поверхности и тем самым начали изменять облик планеты. Эти безумно отдаленные предтечи создатели зодчества соединяли не в просчитанные, но, несомненно, рациональные структуры, чтобы изменять мир в свою пользу. Мы можем считать, что наш мир начался тогда, когда кометы с ледяным сердцем внутри или молнии, ударявшие в неорганические моря, дали рождение живым структурам. Они-то и стали первыми строителями, менявшими смысл и облик окружающего мира.

Чтобы понять происхождение архитектуры, нужно представить невероятную древность процессов совершенствования пространства — биогенного преобразования Земли, длящегося по сей день. Человеческая часть истории планеты сравнительно коротка и не так значительна, как нам подсказывает эгоизм нашего доминирующего в данный момент, но хрупкого биологического вида. Формирование среды обитания усилиями человека по своим масштабам несопоставимо

с процессами возникновения и трансформации биосферы.

Важно, что древнейшие биогенные структуры были красивы и, постоянно усложняясь в течение двух миллиардов лет, приобретали не только новые качества, необходимые и эффективные для органической жизни, но и накапливали черты организованной красоты. Они создавали классические ландшафты в каждый из геологических периодов. Этот процесс не прерывался ни с утверждением очертаний континентов, ни с появлением цивилизации, ни с утверждением цифровой культуры и не остановится в будущем.

Вспоминается древний памятник в Англии, расположенный в местечке, забытом Богом и людьми и называющимся Арбор Лоу. Чтобы попасть туда, нужно было точно знать, где оно находится, а добравшись до искомого пункта, перелезть через низенький забор, разминуться с многочисленными и не слишком дружелюбными овцами и наконец подняться на невысокий холм. С него открывался неожиданно широкий, будто бы бесконечный вид на мягко очерченные, уходящие в легкий туман возвышенности и долины. В Арбор Лоу тоже когда-то был построен круг из каменных столбов и окопан ровом, как в Стоунхендже.

В этом древнем ансамбле, открытом ветрам, камни не удержались стоймя и упали, а дожди и вешние воды обточили их, придав неправильную форму. Зато здесь ощущалась настоящая подлинность места и его нетронутая магия. Нетрудно было мысленно поднять упавшие камни, но и в этом не было необходимости. И так чувствовалось, что неслучайно тысячи лет назад люди выбрали именно этот холм, чтобы отметить его своим сооружением. В нем собирались, сгущались, фокусировались линии окрестного пейзажа. Там был найден его естественный центр, вбиравший в себя энергию всех мест, которые можно отсюда окинуть взглядом. Лежащие на земле камни сохраняли первоначальный ритм, и он тоже был удивительным образом созвучен ландшафту, что производило захватывающее впечатление. Это поверженное древнее сооружение рождает в душе современного человека уверенность в том, что он тоже часть прекрасной природы.

Впрочем, все древние монументальные сооружения обладают таким свойством. Они дарят веру в способность людей внести свои чувства в естественную красоту и выразить их в антропогенной, живущей многие века форме. Тысячам мощных, тяжелых и чувственных сооружений первобытных людей, разбросанным по нашей планете, прежде всего, свойственно единство с природой. Далекие предки умели наполнить ее таинственным, сверхъестественным, магическим смыслом. Знали они, благодаря интуиции и опыту многих поколений, и то, как сделать большее: превратить мир, родившийся естественным образом,

в произведение искусства. В результате бесконечных усилий в течение тысячелетий людям, не оставившим о себе письменной памяти, стало доступно понимание сил природы и произошло соединение их с силами искусства, рожденного человеческим сознанием.

Появление материальных, вещественных форм, созданных человеком, произведений монументального искусства и зодчества всегда находится на грани материального и нематериального. Искусство — духовная деятельность, оно одухотворяет материю, массу и пространство. Неслучайно большинство дошедших до нас древнейших построек не имело утилитарной функции. Часто это были даже не храмы, в которые можно было бы войти, а составленные вместе огромные, незыблемые каменные монолиты. Первобытные люди создали множество сооружений, открытых окружающему миру и не имеющих интерьеров. Гигантские камни, поднятые один на другой или расставленные в соответствии с желаемым рисунком, направлением, ритмом, становились, благодаря их усилиям, неотъемлемой частью естественной среды, становясь стержнями природы.

Архитектура не только искусство, но и наука. Может быть, она родилась в тот момент, когда пришло понимание, что красивое правильно. Наше время должно вернуться к первоначальному единству искусства и природы. Оно обязано вновь научиться чувствовать естественные ритмы, энергию, масштаб, заново освоить умение «подхватывать» в своих формах рисунок ландшафта. Предшествовавшие поколения не только изменили материальный мир, но оставили нам свои мысли об отношениях искусства и природы, в которых отразились важнейшие научные и художественные представления их времен.

История стала частью природы. Чтобы достичь настоящего, не сиюминутного успеха, архитектору нужно добиться благосклонности двух вечных существ — природы и истории. Тогда его творчество станет органической частью осмысленного и живого, а не погибающего от пренебрежения экологией и историей пространства. Тогда в нем может родиться подлинная архитектура.

Вспомним то, что понимали древние, — некрасиво, значит, неправильно. Уродство не спасет мир. Именно в науке о классической гармонии заложены формулы счастливой среды обитания человечества. Это может показаться утопией, наивной выдумкой, надуманной, бездоказательной аксиомой. Но это неверное впечатление. Классический мир до своего разрушения варварами, и в Средиземноморской античности, и в древнем Китае жил во объемлющей человеческое существование красоте, будничной, телесной, созданной множеством народов по-разному, незримой, духовной, породившей христианский или конфуцианский идеалы жизни и ее устройства. Изучая законы классического

построения пространства, нужно увидеть классику в различных культурах и временах, попытаться понять не только идентичность каждой из них, но и единство красоты мира, которое открывает множественная классика, соединенная из всех культур, создание человечества.

Неудовлетворенность экологическим состоянием и эстетическими чертами жизненной среды стало в наше время неперенным свойством восприятия современным человеком существующего мира. Быстрое и неуклонное исчезновение красоты как антропогенной исторической среды городов, так и теряющей свою естественность природы превратилось в одно из привычных свойств сегодняшней цивилизации. Продолжаться так дальше не может.

Не так будет обидно, если особые свойства Земли уничтожит нацеленный в нашу точку пространства миллионы световых лет назад астероид из далекой галактики, хуже — если человечество вызовет свою гибель. Разрушение жизни, создавшей цепь классических культур, в результате избыточного вмешательства потребительской цивилизации станет преступлением нашей сиюминутности перед несчастным устройством космоса. То, что мы называем классикой, создает уникальность таких планет, как наша, и, возможно, неизвестный нам смысл их присутствия во Вселенной. Не хотелось бы, чтобы именно мы, люди, на нашей планете, затерявшейся на краю небольшой Галактики, доказали, что биологическая жизнь не может сохранить присущую ей красоту хотя бы на несколько миллиардов лет.

Конечно, все это время красота Земли менялась, приобретая различные ипостаси. И человеческая эпоха отличалась отнюдь не только приспособлением окружающего мира к нуждам *homo sapiens*, но и непрестанными, следовавшими одно за другим созданиями зримых образов прекрасной планеты. Их разнообразие почти бесконечно, это и рождение мыслью и мечтой образов рая: в древнейших садах Востока, в гармонии античных полисов, в высоте духа монастырей и соборов Средневековья, в величье и роскоши резиденций монархов эпохи барокко, в образах новой жизни в городах-садах, и в тех произведениях строительного дара XX в., где искусство определяло ход жизни, проектируемый мастерами авангарда.

Наш мир еще может возвратиться в прекрасную форму, если мы будем к этому стремиться. Возможна новая классика, основанная на возрождении

совершенных образов многих и различных культур. Правда, прагматизм должен тогда смениться стремлением к архитектуре как искусству, и зодчество должно всерьез вернуться к классическим законам, совместив их осмысление в разных краях Земли. И искусство современной эпохи непременно впитает в себя научные идеи и информационные технологии, особенно в архитектуре с ее умением воздействовать на красоту цифровых соотношений. Очевидный смысл будущей классики, если она возникнет в мировом зодчестве, заключен в ее соответствии постулатам экологически, энергетически и исторически дружественной нашей планете архитектуры.

Человечеству пора остановиться в разрушительном изменении нашей планеты. Нам нужно повернуть ход истории. И начать вновь нанизывать на прочный стержень устойчивой архитектуры кольца классических достижений сменявших друг друга эпох. Нам нечего отбрасывать из происходивших в мировом зодчестве ценимых нами художественных событий. Не следует пропускать ни многосложной изысканности рококо, ни напряженной структурности готики, ее умения превратить поразительные инженерные достижения в образы вознесшегося до небес духа, ни гармонии античной классики, соединившей музыкальную математику ордера с неразрывностью сделанного человеком и рожденного природой. И главное — суметь вернуться к создававшимся миллионами лет наблюдениям над землей и космосом: достижениям первоначальной архитектуры, в которой заложены основные законы зодчества.

Новая красота должна начинаться с начала как новый виток спирали великой истории освященных тысячелетиями раздумий о характере и значении отношений природы и человека, о том, как вернуться на истинный классический путь, подаренный людям Создателем, много раз понятый предками и близкий к гибели вследствие нашего пренебрежения к нему.

Образы истории и природы столь прекрасны и нужны душе, так преданно сохраняют чувства, превращающие нас в людей, что мы обязаны как можно осторожнее окружать их заботой, и тогда испытаем с древней, нездешней силой любовь к миллиардам лет и триллионам существ, создававших по воле Бога такую необычную для Вселенной живую жизнь на нашей планете и красоту ее, которую, уничтожая, мы никогда до конца не истребим, а если задумаемся, приумножим.

Об авторе: **Дмитрий Олегович Швидковский** — доктор искусствоведения, профессор, президент Российской академии архитектуры и строительных наук, вице-президент Российской академии художеств, ректор; **Московский архитектурный институт (МАРХИ)**; 107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 11, стр. 2; РИНЦ ID: 1338, SPIN-код: 2738-8293; e-mail: dos@marhi.ru.

About the author: **Dmitry O. Shvidkovsky** — Doctor of Art History, Professor, President of the Russian Academy of Architecture and Building Sciences, Vice-President of the Russian Academy of Arts, Rector; **Moscow Architectural Institute (MARHI)**; 11 2 Rozhdestvenka st., Moscow, 107031, Russian Federation; ID RSCI: 1338, SPIN-code: 2738-8293; e-mail: dos@marhi.ru.